

ПОЛИТИКА

А.А.Галкин

МОДЕРНИЗАЦИЯ, ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА¹

Ключевые слова: модернизация, обратная связь, публичная сфера, публичный интерес, развитие, обновление, гражданское общество, общественные системы

¹ В основу статьи положены результаты исследования, проведенного при финансовой поддержке РГНФ (грант 10 03 00109а).

Модернизация исторически возникла как реакция на неравномерность развития общественных систем и государственных образований. Она обусловлена прежде всего тем, что отставание в развитии не просто чревато потерей данной конкретной общностью своих позиций в совокупности этих систем и образований, но и ставит под угрозу само ее существование. Как свидетельствует опыт не только прошлого, но и настоящего, отстающих бьют — и порой сильно. Поэтому преодоление отставания и выход на уровень, достигнутый наиболее успешными обществами, является своего рода «категорическим императивом» государственного развития.

Единство истоков модернизации не исключает многообразия. Ее варианты определяются сложным переплетением объективных и субъективных обстоятельств.

Различаются эпохи, в которых она реализуется. Для одних характерно доминирование застойных тенденций, для других — преобладание процессов обновления. Многое зависит от общественного строя. Он может либо тормозить развитие, либо способствовать ему. Значительную роль играет также специфика цивилизаций и утвердившегося на их основе народного менталитета. Есть цивилизации, которые стимулируют развитие. А есть и такие, которые его устойчиво сдерживают.

Установлено также, что на тип и характер модернизации существенное влияние оказывает уровень развития, уже достигнутый данным сообществом: относительно высокоразвитые сообщества чаще всего более открыты для обновления. Не менее важна степень осознания обществом или хотя бы наиболее продвинутым его меньшинством необходимости перемен.

Из сказанного следует, что рассмотрение задач, встающих перед конкретной страной в процессе модернизации, предполагает как всесторонний анализ специфики последней, так и уяснение предпосылок, необходимых для ее осуществления.

**Российская
модернизация**

При обсуждении вопросов российской модернизации часто делается упор на воспроизводство прошлого опыта, которому придается преувеличенно актуальное значение. Разумеется, историю надо знать,

а деятелям прошлого отдавать должное. Тем не менее к проблемам модернизации, стоящим перед нашей страной, опыт прежних времен применим мало. Не та сейчас ситуация. Изменилось все — и задачи, требующие решения, и общество, которое придется преобразовывать, и тот субъект, в интересах которого это будет делаться.

Специфика ситуации, в которой оказалась сейчас Россия, определяется многими факторами. Перечислю важнейшие из них.

1. Современный мир не просто открыт для перемен. Мы вступили в эпоху, беспрецедентную по скорости развития, когда преобразования одного года во многом превосходят все то, что происходило раньше в течение десятилетий. Если в далеко не застойном XX в. замедление развития знаменовало собой отставание, то теперь оно равняется отставанию в квадрате. Поэтому нам сегодня нужно не просто продвигаться вперед, но совершить рывок, несопоставимый с чем-либо, имевшим место в прошлом.
2. Отставание России от лидеров мирового развития сейчас по ряду показателей больше, чем когда-либо ранее. Оно не было полностью преодолено в ходе советской индустриализации. В 90-е годы прошлого века мы пережили деиндустриализацию, не имеющую прецедентов во всей Новейшей истории. Ее последствия ощущаются до сих пор. Мировой экономический кризис 2008—2010 гг. вновь отбросил нас назад. Таким образом, дистанция, которую требуется преодолеть стране, не просто значительна, но огромна.
3. Масштабность задач и протяженность пути, который предстоит пройти, исключают концентрацию модернизационных усилий на одном из направлений. Недопустимо, в частности, ставить во главу угла обновление основного капитала в традиционном производстве, хотя это само по себе достаточно важно. Современный уровень развития требует, наряду с преодолением последствий недавней деиндустриализации, создания инновационного сектора экономики, основанного на новейших достижениях фундаментальных и прикладных наук. Место, занимаемое этим сектором экономики, должно постоянно расти, а сам он — определять весь ход экономического процесса.
4. Продвижение в этом направлении предполагает окончательное утверждение доминирующей роли умственного труда в материальном и духовном производстве. Это, в свою очередь, влечет за собой необходимость кардинального изменения социального и политического климата. Следовательно, модернизация в современных условиях не может быть ограничена технико-экономической сферой. Она должна стать системной. А это уже принципиально иные переменные, чем нередко мыслилось в прошлом.

Технико-экономическую модернизацию можно осуществить руками узкой правящей прослойки, хотя, как показывает практика, это не всегда удается. Системную модернизацию реализовать невозможно, не

подняв на достижение этой цели если не все общество, то хотя бы достаточно массовые его группы.

Решить эту задачу непросто. Особенно трудно сделать это в России. Недаром недавние попытки стимулировать в ней массовую поддержку модернизационных призывов окончились безрезультатно. Для крайних либералов это стало очередным предлогом, чтобы по давней привычке обвинить свой народ в лени и невежестве. Конечно, и лени, и невежества у нас немало. Однако отсутствие активной положительной реакции граждан на призывы к модернизации определяется другим.

Во-первых, значительное большинство общества предельно устало от того, что у нас называют реформами. Переменами его, мягко говоря, перекормили — тем более что почти каждая из пережитых за последние годы перемен приносила больше неприятностей, чем пользы.

Во-вторых, непоколебимо веря в могущество традиционных средств манипуляции массовым сознанием, авторы модернизационных лозунгов до сих пор делали ставку на продвижение их по официальным каналам, которым, как показывают исследования, мало кто верит.

В-третьих, конечные цели, конкретные методы и ожидаемые последствия модернизации до последнего времени оставались нераскрытыми не только для широкой публики, но даже для специалистов, непосредственно подключенных к рассмотрению соответствующих сюжетов. В этом нетрудно убедиться, познакомившись с материалами большинства дискуссий на эту тему. В ходе обсуждений иногда высказывались и дельные идеи, однако в основном доминировали далекие от жизни абстракции, создававшие впечатление пустословия. Отсюда, как форма реакции на такое положение вещей, тезис о «забалтывании курса на модернизацию», получивший широкое хождение еще в конце 2009 г.

Все это очень печально. Если модернизация не получит активной массовой поддержки, не станет делом социума в целом, она неизбежно сведется к набору бесплодных верхушечных усилий, в лучшем случае — разрозненных акций, не меняющих общей ситуации.

В той мере, в какой это осознается, созревает понимание того, сколь важно сдвинуть с мертвой точки процесс формирования в стране духовной атмосферы, в которой модернизация воспринималась бы не только как возможное, но и как желанное деяние. Но для этого необходимо усовершенствовать и активно задействовать совокупность механизмов, способных стимулировать публичный интерес к модернизации. Только в этом случае модернизационные импульсы, поступающие сверху, состыкуются со стремлением к модернизации снизу и создадут тот сплав, который требуется для успешного осуществления назревшего модернизационного рывка.

К сожалению, в идущих сейчас дискуссиях о модернизации эта проблематика практически не затрагивается. Излагаемое ниже есть попытка заполнить некоторые лакуны, затрудняющие осмысление этой стороны дела.

**Роль
обратной связи**

Категория «публичная сфера» неразрывно связана с более широким понятием обратной связи, введенным в научный оборот создателем кибернетики Норбертом Винером. В его трактовке, ставшей ныне общепризнанной, обратная связь предстает важнейшим элементом теоретического анализа, позволяющим уяснить специфику взаимодействия в рамках любых совокупностей, которые могут рассматриваться как системы.

К числу этих совокупностей в полной мере относятся и общественные системы. Как и любые другие, они представляют собой сложный, дифференцированный организм. Анализируя ключевые его составляющие, нетрудно выделить три базовых элемента: (1) политическую систему, главной функцией которой является реализация всеобщего интереса; (2) объединения, отражающие и отстаивающие групповые интересы (гражданское общество); и (3) граждан с их разнообразными индивидуальными подходами и взглядами.

Координация элементов в рамках общественной системы, естественно, требует наличия каналов связи между политической системой и гражданским обществом, между гражданским обществом и отдельными гражданами, непосредственно между гражданами и политической системой. Очевидно, что эта связь не может быть односторонней. Ее каналы должны передавать импульсы не только сверху вниз, но и снизу вверх. Реакция на эти импульсы и является тем, что обычно именуют обратной связью.

Вертикальная структуризация общества обычно приводит к тому, что каналы обратной связи работают не на полную мощность. Верхи уповают главным образом на управленческие сигналы. Для сигналов, поступающих снизу, создаются искусственные препоны. Каналы обратной связи сужаются. В тех случаях, когда их закупорка серьезна, в координации элементов системы происходят сбои. Начинается прогрессирующее перерождение их функций. Политическая система, замыкаясь на себя, перестает отстаивать всеобщий интерес, гражданское общество приобретает корпоративные черты, совокупность граждан (или, во всяком случае, их большинство) отчуждается от вышестоящих структур со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В реальной жизни этот процесс, разумеется, сложнее. За тысячелетия существования государств структура каналов, образующих систему обратной связи, заметно изменилась. Они сейчас весьма многообразны. Это и традиционные средства массовой коммуникации, и деятельность общественных, в том числе политических, организаций, и различные виды уличных выступлений, и множасьщиеся современные средства массового общения. Были выработаны изощренные способы воздействия на их пропускную способность.

Поступающие от общества сигналы варьируют в зависимости от сложившихся обстоятельств, внешних условий, народного менталитета. Они включают в себя не только информационные, но и поведенческие импульсы. При определенных обстоятельствах различные сигналы

способны заменять друг друга. Особенность нынешней ситуации состоит, в частности, в том, что каналы обратной связи во все меньшей степени поддаются административной регламентации. А это, в свою очередь, придает им дополнительный вес и значение.

Основные принципы функционирования обратной связи в общественных системах носят универсальный характер. Так, во всех случаях устойчивый дефицит такой связи чреват кризисом, а в конечном счете — даже распадом. Имеет свои закономерности и обратная связь между подсистемами.

Посмотрим, как она действует в отношениях между государством и гражданским обществом.

Для полноценного выполнения своих функций государство нуждается в развитом и эффективном гражданском обществе. Однако не в меньшей степени гражданское общество нуждается в олицетворяющем публичный интерес государстве. Только через взаимодействие с политическими институтами гражданское общество способно влиять на общественно-политический процесс, привнося в него гражданскую активность, препятствуя государственным структурам в их попытках ограждать себя этатистско-бюрократическими барьерами, снижая уровень нетерпимости, утвердившейся в политических институтах, и тем самым способствуя общественной стабильности.

Вместе с тем опыт взаимоотношений государственных и гражданских институтов как в прошлом, так и в настоящем показывает, что между ними постоянно возникает большее или меньшее напряжение. Энергия групповых интересов и инициатив рождает в гражданском обществе потенциал критического отношения к политическим институтам, к произрастающим в их недрах бюрократическим тенденциям и бюрократической закостенелости. Поэтому власть, осознающая значимость гражданского общества, должна быть готова не только к сотрудничеству с ним, но и к тому, что оно может стать оппозирующей силой, создающей дискомфортную ситуацию для властных органов и государственных чиновников.

Таким образом, в зависимости от обстоятельств характер отношений между государством и гражданским обществом варьирует от партнерства до конфронтации. При этом ни партнерство, ни отчуждение не могут быть абсолютными. Готовность гражданского общества к сотрудничеству с государством на условиях полной сдачи своих позиций создает благоприятную почву для всевластия исполнительных структур, для их превращения из защитника всеобщего интереса в инструмент реализации эгоистических интересов связанного с ними меньшинства. В свою очередь, утрата государством влияния на процессы, происходящие в общественной системе, крайние формы вражды между ним и гражданским обществом чреватые полным параличом социальных связей и всеобщим хаосом.

Не случайно некая форма взаимодействия между ними сохраняется даже в рамках административно-бюрократической системы. Тем

более оно неизбежно в условиях, когда в обществе утвердились (или, по крайней мере, утверждаются) демократические процедуры и сложилась развитая сеть общественных организаций.

Если такое взаимодействие менее интенсивно, чем требуется для нормального функционирования демократической системы, процесс внесения назревших изменений в проводимую политику замедляется. В результате стабильность социума, как и запас толерантности, подвергается чрезмерным перегрузкам. Проблемы накапливаются. К их решению приступают лишь тогда, когда социально-политическое напряжение достигает критической точки и нависает реальная угроза развития событий по катастрофическому сценарию.

Эффективность институтов гражданского общества в решающей степени зависит также от отношения к ним самих граждан. При всей значимости остальных обстоятельств, обуславливающих жизнеспособность гражданских институтов, только осознание единства групповых интересов, идентификация с другими индивидами, обладающими аналогичными социальными признаками, готовность в той или иной форме поддерживать соответствующую общность, принимать участие в ее деятельности и в конечном счете активно отстаивать групповые интересы, рассматривая их как выражение своих собственных, наполняют институты гражданского общества необходимой им жизненной силой. Подобная позиция граждан является важным составным элементом политической культуры и может быть специально выделена как культура гражданственности.

Заметные изменения в функционирование обратной связи внесла глобализация. Существенно расширились территориальные границы ее действия. Появились первые признаки выхода обратной связи на наднациональный уровень.

Среди важнейших новаций, порожденных происходящими переменами, — возрастание роли и влияния гражданских институтов. Это проявляется и в усложнении свойственных им горизонтальных связей, образовании развитых и эффективных сетевых структур; и в усилении плотности горизонтальных негосударственных объединений, составляющих ядро гражданского общества; и в появлении и укоренении общественных объединений нового типа, основанных не только на общности групповых интересов, но и на готовности отстаивать те или иные элементы всеобщего интереса (так называемые гражданские инициативы); и в формировании сети межстрановых общественных организаций, воздействующих на государственные институты не только изнутри, но и извне; и в переходе в руки общественных организаций ряда функций, осуществлявшихся прежде государством.

Одновременно, как бы в противовес этому, качественно возросла интенсивность информационных потоков, поступающих непосредственно от власти к индивидам и от индивидов к власти, минуя исполняющие роль посредников гражданские институты.

Наиболее заметны эти процессы в странах, находящихся в авангарде экономического и политического развития. Вместе с тем аналогичные сдвиги отмечаются и в менее продвинутых государствах.

Сказанное в полной мере относится и к России. Сформировавшаяся в ней система обратной связи между государством и гражданским обществом дефектна и малоэффективна. Это широко известно и не требует особых доказательств. Менее очевидно, как это отражается на функционировании общественных и политических механизмов.

На практике ситуация в этой области выглядит следующим образом.

Политическая воля руководства, чтобы привести к намеченному результату, должна опираться не только на представление о конечной цели, но и на адекватное знание исходной ситуации и возможных последствий тех или иных действий. В противном случае реализация этой воли, скорее всего, выльется в авантюру. Особенно необходимо это знание в период перемен. Модернизация нашей страны при сложившихся обстоятельствах — дело сложное. Чтобы всерьез двинуться в заданном направлении, необходимо иметь полное и объективное представление о своем обществе, своем народе, его менталитете, чаяниях, нуждах и заботах.

Можно ли утверждать, что в высших кругах страны такое знание существует? Вряд ли. Судя по многим признакам, у нас есть сейчас все основания повторить слова, сказанные некогда одним неглупым человеком в другой стране и в другое время: «Мы не знаем общества, в котором живем». Это в полной мере касается и власти, и так называемой несистемной оппозиции. Первая все еще не отделалась от иллюзорного представления, будто наш народ — это своеобразный пластилин, из которого умелые руки в состоянии вылепить любую желаемую фигуру. Вторая, как уже отмечалось, убеждена, что по прихоти истории ей достался недостойный, непросвещенный, пассивный народ, не ценящий благ, которые ему предлагают, и поэтому к нему можно повернуться спиной.

Но знание реальной ситуации, как и представление о возможных последствиях избранного курса, требует эффективной, неискаженной информации о положении дел, о наличии необходимых ресурсов, о расстановке политических сил, о доминирующих в обществе настроениях и т.д. Этой информацией в большей степени располагает гражданское общество. Но каналы связи между ним и властью действуют плохо. Пока вместо такой информации по бюрократической вертикали проходит квазиинформация, содержание которой рассчитано на поддакивание власти и «облизывание» ее. Понимание этого вроде бы существует. Однако преодолеть сложившуюся ситуацию путем словесных деклараций невозможно.

Правда, положить начало позитивному повороту в ней не так уж сложно. Вспомним, какое огромное воздействие на становление системы обратной связи и общую ситуацию в стране оказал когда-то взятый

ее руководством курс на гласность. Разумеется, сейчас другое время и другие проблемы. Тем не менее важен сам принцип.

Конечно, для успешной модернизации крайне необходимы и действительно свободные выборы, и свобода печати, и неограниченное право на публичные манифестации. Но нужны и внешне не столь эффективные, но вполне действенные практические шаги, направленные на конкретное содействие функционированию обратной связи.

Необходим, например, регулярный, институционально, а быть может, даже конституционно закрепленный мониторинг оценок и пожеланий общества. Его должны проводить не частные фирмы, готовые за хорошие деньги дать любой результат, устраивающий заказчика, но утвержденные парламентом и ответственные перед ним государственные учреждения. Результаты таких мониторингов должны поступать во властные структуры и служить основой для подготовки законодательных решений.

Следовало бы, видимо, возродить подзабытый институт народных опросов. На суд народа должны выноситься все наиболее существенные решения: федеральной значимости — на федеральном уровне, региональной значимости — на региональном.

Список таких новаций нетрудно расширить. Главное — приступить, наконец, к делу.

Обратимся к другой стороне рассматриваемой проблемы. По своей целевой направленности управленческие импульсы, исходящие от властных политических структур, адресованы в конечном счете индивидам. В действительности же они, как правило, так или иначе проходят через гражданское общество. В разных странах, при разных обстоятельствах «пропускная способность» гражданского общества бывает неодинаковой. Иногда, при более или менее нормальных отношениях между государством и институтами гражданского общества, она оказывается сравнительно высокой. Импульсы проходят и без задержек, и без существенных искажений.

Гораздо чаще, однако, они выборочно отсеиваются и модифицируются. Возможны также ситуации, при которых верхушечные импульсы просто отторгаются. Это происходит главным образом тогда, когда государственные институты, игнорируя ценности, утвердившиеся в обществе, пытаются насильно навязать ему свои решения. В таких случаях гражданское общество действует наподобие батута. Чем сильнее давление на него, тем интенсивнее отбрасываемая энергия. Эту проблему можно решить, лишь отказавшись от ориентации на грубое продавливание властных решений, которое должно уступить место поиску компромиссных подходов в рамках системы согласительных комиссий.

Очевидной бедой России остается низкая эффективность управленческих механизмов. Политические решения, принимаемые властью, должны безоговорочно исполняться. Это своего рода аксиома. Без нее политический процесс либо превращается в говорильню в духе пресловутых «пикейных жилетов», либо приобретает хаотический, неуправля-

емый характер. У нас на протяжении ряда лет нередко наблюдалось и то и другое. А все попытки навести порядок по большей части давали минимальные результаты. И дело в данном случае не в том, что кто-то чего-то не учел или не умеет (хотя «неумех» тоже хватает). Дело в системе линейной властной вертикали.

Любая чрезмерно централизованная система управления, замкнутая на руководящую личность или небольшую руководящую группу, неизбежно приобретает все изъяны, присущие авторитарным режимам и, по сути, сводящие на нет действительные или, чаще, иллюзорные преимущества строго иерархизированной властной вертикали. Как правило, такие системы быстро теряют свою первоначальную, обычно в той или иной степени поверхностную, эффективность. Решение проблем становится мнимым и влечет за собой возникновение новых, превосходящих по сложности те, которые вроде бы удалось преодолеть.

Соответственно, значительно возрастает потребность в воссоздании и развитии такой специфической формы обратной связи, как реальный, юридически подкрепленный общественный контроль над управленческими институтами. Ему надлежит придать принципиально иной, чем прежде, институциональный характер. Очевидно, что он станет по-настоящему эффективным лишь в том случае, если объективная информация о положении дел, о нарушениях и злоупотреблениях органов власти на местах будет не только безотлагательно поступать наверх, но и незамедлительно сопровождаться организационными выводами.

Взаимоотношения гражданского общества и государственной системы в России усложняются тем, что осуществляются они в условиях пусть урезанного, но, тем не менее, еще сохраняющегося федерализма. Это означает, что гражданские институты становятся объектами управленческого воздействия со стороны органов власти не только федерального, но и регионального уровня. Соответственно, возникает разнородная система обратной связи.

Влияние этого обстоятельства двояко. Казалось бы, наличие региональных политических структур сокращает дистанцию между гражданским обществом и властью, что, в свою очередь, повышает результативность давления на нее, эффективность обратной связи. Однако одновременно возрастают возможности региональной власти не считаться с местными институтами гражданского общества, игнорировать поступающие от него импульсы.

В целом на региональном уровне потенциал обратной связи, а следовательно — и способность гражданского общества воздействовать на политическую (административную) власть еще ниже, чем на федеральном уровне.

Как же обстоит дело с каналами обратной связи между государством и отдельными гражданами? Многие негативные явления, свойственные функционированию обратной связи между государством и гражданском обществом, в том числе рассмотренные выше, характерны и для этого уровня. Однако у него есть свои особенности, во многом

обусловленные исторически сложившимся в России взаимным отчуждением «верхов» и «низов».

В сознании «низов» давно укоренилось представление, что от «начальства» не стоит ждать ничего хорошего, что все, что от него исходит, влечет за собой одни беды. Разумеется, на разных этапах существования общества интенсивность подобного восприятия власти менялась, то усиливаясь, то ослабевая. Тем не менее недоверие к «начальству» сохранялось всегда.

В свою очередь, «верхи» испытывают устойчивую неприязнь к «низам», негативно относясь к любым формам общественной самостоятельности, даже если та лишена отчетливо выраженной антисистемной направленности. В основе этой неприязни лежит предположение, что от «неуправляемых масс» неизбежно следует ожидать действий, наносящих ущерб как «верхам», так и общественной системе в целом.

Взаимное отчуждение стало дополнительным, и весьма серьезным, препятствием для нормального функционирования каналов связи. На уровне «низов» оно трансформировалось в скептическое отношение к управленческим и информационным сигналам, поступающим сверху. «Верхи» же считают ниже своего достоинства реагировать на импульсы, идущие снизу, тем более считаться с ними.

Эти особенности российского менталитета, сложившиеся в далеком прошлом, в немалой степени сохранились. Отсюда и устойчивое стремление власти втиснуть в желательные для нее рамки политическое (в том числе электоральное) поведение граждан, и сознательное самоотстранение от политики большинства населения, принимаемое некоторыми экспертами-политологами за несознательность и пассивность. Отсюда же и неизбывное желание «верхов» по возможности очертить границы допустимого в сфере информирования общества.

Преувеличивать или абсолютизировать явления, описанные выше, разумеется, не надо. Существует ряд обстоятельств, которые удерживают их в определенных пределах. И последствия этого налицо. Сравнительно недавно «верхами» были предприняты шаги, рассчитанные на то, чтобы несколько облегчить административное давление на электоральный процесс. В стране издаются пусть немногочисленные, но вполне зубастые оппозиционные газеты. Вещают радиостанции, которые вряд ли можно отнести к числу прирученных. Важным каналом обратной связи стал интернет.

В последние годы исполнительная власть в центре и в ряде регионов то и дело апеллирует к гражданскому обществу, заявляя о своей готовности к конструктивному сотрудничеству с ним. Под эгидой президентской администрации, полпредов и губернаторов создаются и функционируют «раскрученные» гражданские форумы.

Правда, за этим поворотом в ряде случаев скрывается стремление «приручить» гражданские ассоциации, поставить их под контроль, создать послушное власти гражданское общество. При этом игнорируется то принципиально важное обстоятельство, что сила и мощь граждан-

ского общества в его корневой системе, в жизненных интересах и стремлениях людей. Поэтому нормальные гражданские ассоциации не могут быть созданы сверху. И все же указанная позиция, безусловно, лучше высокомерного игнорирования властью любых независимых общественных объединений.

Тем не менее существенный дефицит обратной связи налицо. И он оказывает растущее воздействие на все процессы, происходящие сегодня в России.

Причины этого многолики. Во многом они коренятся в особенностях общественного сознания, играющего ключевую роль при осуществлении обратной связи. Его реакция на информационные потоки, формирующие эту систему, определяется необходимостью знать не часть правды, а правду в целом. Ведь правда не членится. Четверть правды и даже ее половина — это ложь. Поэтому некоторое расширение источников информации и другие послабления парадоксальным образом не снижают дефицита обратной связи, но в ряде случаев усугубляют его.

Но это только одна сторона дела. Имеется и другая. Приобретение к информации, пусть даже урезанной, неизбежно повышает самооценку граждан, стимулирует их активность. Отсюда возрастающий интерес ко второй составляющей обратной связи — непосредственному участию в решении вопросов текущего бытия. Очевидно, что здесь позитивных сдвигов гораздо меньше, чем в информационной сфере. А это, в свою очередь, создает еще один, дополнительный стимул к раздражению, созревающему на уровне социальной базы.

Ситуацию, складывающуюся в этой области, пока нельзя оценить как критическую. Участвовавшие рассуждения о том, что страна находится на пороге социального взрыва, скорее всего, из числа полемических преувеличений. Но включению значительной части общества в модернизационный процесс настрояния, утвердившиеся в обществе, серьезно препятствуют.

Вместе с тем дефицит обратной связи и ограниченность публичной сферы, от которых страдает наша общественная система, далеко не безобидны. Опыт прошлого (причем не только нашей страны) свидетельствует, что при определенных обстоятельствах они действительно могут вызвать к жизни взрывной потенциал. Не упустить бы время.

Публичная сфера

При всей своей многогранности обратная связь, как уже отмечалось, — это прежде всего совокупность каналов. Но сами по себе каналы — лишь средство транспортировки материальных или духовных сущностей из одного места в другое. А эти сущности могут быть не просто различными, но противоположными — от дистиллированной воды до канализационных стоков, от высокоморальной проповеди до откровенного навязывания насилия и порнографии.

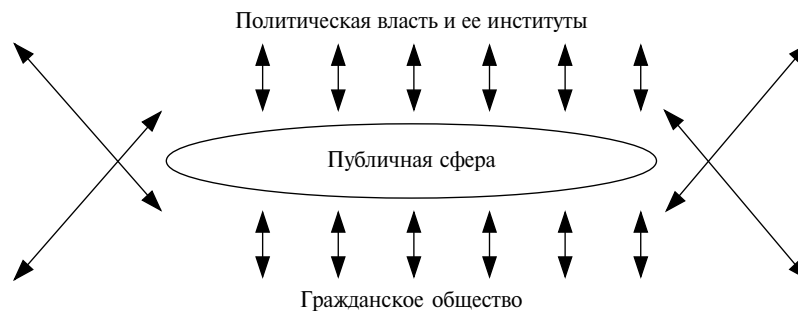
Без каналов обратной связи развитому современному обществу не обойтись. Но не менее важно и то, что будет поступать по этим каналам.

Отсюда вторая, не уступающая первой по значимости, сторона рассматриваемой проблемы — наполнение каналов обратной связи позитивным содержанием.

Существует иллюзия, что ее можно решить путем наращивания административного вмешательства и регулирования. В действительности в современном обществе с ней можно справиться, лишь содействуя становлению и развитию публичной сферы.

Графически эту сферу можно изобразить как особого рода пространство, в рамках которого реализуются отношения между гражданским обществом как совокупностью по преимуществу горизонтально выстроенных структур, отражающих и защищающих групповые интересы, и вертикально организованной политической властью с ее юридическими, силовыми и административными институтами (см. рис. 1). Стрелки сверху символизируют государственную политику, стрелки снизу — групповые интересы и ожидания. Пространство соприкосновения и пересечения устремлений институтов власти, с одной стороны, и интересов и ожиданий структур гражданского общества, с другой, и образует то, что можно считать публичной сферой.

Рисунок 1

Полного совпадения между импульсами, поступающими сверху и снизу, как уже говорилось, не бывает. Оно невозможно как потому, что действия и политических институтов, и структур гражданского общества отражают не только общие, но и групповые интересы, так и потому, что возможности политических институтов обычно уже, чем ожидания гражданского общества, ибо ограничены совокупностью объективных обстоятельств. Вместе с тем для сохранения жизнестойкости общественной системы крайне необходимо большее или меньшее соответствие между государственной политикой и гражданскими ожиданиями. Обычно оно достигается в результате противоречивого переплетения противостояния и компромиссов.

Решающее значение для функционирования публичной сферы имеют три объективных фактора: объем ресурсного обеспечения, дело-

вые качества правящей элиты и уровень зрелости, а следовательно, и возможностей гражданского общества.

Разумеется, приведенная модель, фиксируя нормальную, желательную ситуацию, в известном смысле является «идеальной». Как и любая другая, она существенно упрощает реальное положение вещей. Так, импульсы, поступающие от гражданского общества, представляют собой некое обобщение разнообразных и противоречивых групповых интересов и устремлений. Аналогичным обобщением оказываются и импульсы, идущие сверху — от политической власти и ее институтов. При определенных обстоятельствах импульсы, поступающие снизу и сверху, могут не пересекаться. Тогда публичная сфера в усеченной форме уходит в «тень».

Тем не менее работать с этой моделью можно. Она позволяет не только наглядно представить объект исследования, но и придать количественные значения его параметрам.

На сказанном, однако, нельзя ставить точку.

Сопряжение интересов институтов власти и структур гражданского общества, формирующее публичную сферу в том смысле, в каком она рассматривается выше, происходит в различных сегментах общественной жизни. Поэтому есть основания говорить не только об общей публичной сфере, но и о публичных сферах в отдельных областях жизнедеятельности общества — экономической, социальной, культурной и т.д.

Не менее важно и другое.

В общественной системе публичная сфера выступает не только в качестве площадки, на которой осуществляются контакты, сопоставляются позиции, заключаются компромиссы. Она представляет собой своего рода «плавильный котел», в котором индивидуальные и групповые интересы проходят сквозь огонь уточнений и апробаций, приобретая в итоге форму общественного публичного интереса.

Возникающий в результате этого сложного процесса «продукт» может рассматриваться как отлившаяся форма реакции отдельных граждан, гражданских институтов и общественного сознания в целом на характер и способы реализации общественно значимых решений. Тем самым посредством переплетения горизонтально-сетевых связей, существующих в рамках данной социально-культурной общности, смысловых значений и символов, сложившихся форм социальной солидарности происходит интеграция общества, гарантирующая историческую преемственность его развития.

Функционирование публичной сферы нередко путают с избирательными кампаниями, сопровождающими выборы в органы власти различного уровня. И действительно налицо некоторое сходство. В ходе избирательных кампаний частично реализуется одна из функций публичной сферы — преобразование индивидуальных и групповых интересов и взглядов в нечто, имеющее основание рассматриваться как общественная позиция.

Однако различий гораздо больше. И дело не только в том, что избирательные кампании — феномен спорадический, в то время как отличительная черта публичной сферы — непрерывность. Оно также и в том, что в предвыборных кампаниях решается, причем со значительной долей риска, лишь один конкретный вопрос — о доверии к политической силе или индивиду, которым будут делегированы властные полномочия. Между тем наличие действенной публичной сферы предполагает рассмотрение всех вопросов, представляющих интерес для каждой данной совокупности граждан.

Пути становления и развития публичной сферы различны. Она может складываться стихийно, без участия государственных институтов. В этом случае производимая ею «продукция» будет по определению в большей или меньшей степени односторонней и антисистемной. Поэтому опытные руководители предпочитают создавать для публичной сферы специализированную инфраструктуру. При этом они руководствуются не столько желанием получить от нее неурезанную информацию и взвешенные позитивные сигналы, сколько стремлением использовать процессы, происходящие в публичной сфере, в качестве средства «стравливания пара», накопившегося в обществе.

Некоторые из элементов этой инфраструктуры прошли многолетнюю обкатку и продемонстрировали свою высокую эффективность.

Это, например, создание сети крытых помещений типа клубов для свободного проведения общественных мероприятий. Это выделение в достаточно престижных местах особых территорий, где любые общественные организации, не запрещенные в судебном порядке, могут проводить свои митинги (так называемая система «гайд-парков»). Это формирование специализированных судебных органов, призванных обеспечить строгое соблюдение уведомительного принципа при проведении политических акций и т.д.

В нашем случае в качестве специфической формы содействия развитию публичной сферы можно использовать преобразование жесткой властной вертикали, исчерпавшей свою роль как средство борьбы с региональным сепаратизмом, из административной в правовую. Вертикаль в той мере, в какой она необходима, вполне можно поддерживать, усилив контроль над правовой ситуацией.

Очевидно, что подобное преобразование предполагает, наряду с другими мерами, передачу в низовые структуры дополнительных, финансово гарантированных функций. Тем самым огромное большинство административных решений, живо интересующих общественность (вопросы работы, жилья, транспорта, торговой сети, детских учреждений, первичного медицинского обслуживания, школьного образования), окажутся спущенными на тот уровень, на котором их можно не только обсуждать, но и решать силами непосредственно общественности.

В этих условиях важным элементом публичной сферы могут стать муниципальные институты. Правда, пока у нас они слабо приспособ-

лены к этой роли. Муниципалитеты, как правило, не пользуются большой любовью публики. Объективных причин для этого немало. Во-первых, у них обычно не хватает средств, чтобы делать то, что от них ожидают. Во-вторых, работа в них мало престижна. Поэтому там собрались далеко не лучшие управленцы. В-третьих, функции муниципалитетов, как и методы их работы, определенные законом, в малой степени учитывают специфику проблем, которые им надлежит решать.

Муниципалитеты вовсе не должны копировать организацию и формы управленческих усилий на уровне региона и тем более государства. Если муниципальный округ не очень многочислен, в нем могут быть широко использованы не только подходы, свойственные публичной сфере, но методы прямой демократии, предполагающей решение всей совокупности вопросов, представляющих непосредственный интерес для граждан, путем общих собраний или серии плебисцитов. В рамках муниципального округа это не так уж и сложно.

Регулярное проведение такого рода собраний может стать средством слияния избирательных (точнее «предплебисцитных») кампаний, приобретающих системный характер, с местной публичной сферой. В результате, как свидетельствует опыт стран, где утвердилась подобная практика, между населением и местной властью могут сложиться чрезвычайно прочные связи, которые, в свою очередь, устойчиво гарантируют от потрясений и общегосударственную систему.

При нормальном функционировании инфраструктуры публичной сферы не обязательно сохранять нынешнюю, непомерно разросшуюся, административную машину. Более того, ее сохранение неизбежно будет создавать угрозу этой сфере как нежелательному конкуренту.

Нынешние усилия, нацеленные на сокращение чиновничьей армии, — шаг в правильном направлении. Но он окажется малопродуктивным, если не будут приняты меры по принципиальному ограничению функций административного аппарата.

Административную машину следовало бы вернуть к нормальному состоянию, в частности отказавшись от чрезмерного дробления ведомств, вызывающего необходимость многочисленных согласований. Было бы полезным до предела сократить и многоступенчатость исполнительной вертикали. Чем многочисленнее ступени, тем легче превратить спускаемый сверху импульс в его противоположность.

Можно было бы и ускорить процесс ухода административных структур из сферы, связанной с оказанием услуг населению. Обычный гражданин чаще всего сталкивается с государством, обращаясь с конкретными проблемами к олицетворяющему таковое административному аппарату, и судит о режиме и политической системе по тому, как его там встречают и как реагируют его на просьбы.

О качестве работы нашего административного аппарата написано немало. Оно, как говорится, «ниже плинтуса». Выход в данном случае лишь один — максимально форсировать повсеместный переход к тому, что сейчас принято именовать «электронным правительством»,

предельно инструментализовав отношения между потребителем и управленческой системой. Эти отношения должны сводиться к трем актам: запрос через интернет, оплата услуги, поступление запрашиваемого результата — решения или документа. По такому принципу должна функционировать вся сфера государственных услуг — от выдачи паспортов до оформления наследства и т.п. Возможный результат подобного поворота очевиден — недовольство поведением нерадивых чиновников перестанет быть фактором, формирующим негативное отношение к политической системе, а следовательно, и нежелание граждан быть включенными в ее структуры, в том числе через каналы обратной связи.

Разговоров на эту тему сейчас, как известно, много. Дел — мало.

* * *

На первый взгляд может показаться, что предлагаемые новации, даже если умножить их число, недостаточно кардинальны, чтобы устранить препоны на пути назревшего модернизационного развития. Но это не так. Если как следует наладить функционирование публичной сферы, создав для нее адекватную инфраструктуру, если всерьез расчистить каналы обратной связи и пропустить через них достаточно мощные модернизационные импульсы, в стране, скорее всего, сложится та духовная атмосфера, которой сейчас так не хватает для того, чтобы призывы к модернизации, поступающие сверху, стали действительно мощной преобразовательной силой.

Другое дело — сумеем ли мы превратить все эти «если» в реальность, когда наука займет в стране подобающее ей место непосредственной производительной силы, когда ее деятели будут расцениваться большинством общества не как паразиты, проедающие государственные средства, а как ценнейшее достояние нации, когда доходы предпринимателей будут зависеть не столько от удачных спекуляций с ценными бумагами, сколько от умения вовремя оценить и запустить в производство результаты новаторских находок, когда положение и карьера управленцев любого уровня будут определяться в первую очередь тем, в какой степени подконтрольные им сферы выходят на позиции, отвечающие мировому уровню, когда новостные передачи влиятельных телевизионных каналов будут начинаться не с обсуждения сексуальных забав модных поп-звезд или смакования перипетий очередного заказного убийства, а с информации о новых этапах поступательного инновационного движения.